

УДК 947.084

*Е. В. Воейков**E. V. Voeikov*

ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920 — 1921 гг.

LABOR SERVICE IN THE LOGGING OF THE PENZA GOVERNORATE IN 1920 — 1921

Ключевые слова: трудовая повинность, губкомтруд, уездные комитеты по труду, дрова.

В статье исследуются отдельные аспекты истории топливной трудовой повинности на территории Пензенской губернии в годы военного коммунизма. Территориальные рамки охватывают как часть современной Пензенской области, так и большую часть Республики Мордовия. Наиболее подробно рассмотрены порядок привлечения местного населения на лесозаготовки, основные факторы, препятствующие проведению топливной трудовой повинности, использование армии и милиции для принудительных мер.

Key words: labor service, gubkomtrud, uyezd labor committees, firewood.

The article deals with some aspects of the history of fuel wood labor service on the territory of the Penza Governorate during the years of war communism. The territorial framework covers both part of the modern Penza Region and most of the Republic of Mordovia. The procedure for recruiting the local population for logging, the main factors preventing fuel wood labor service, the use of the army and militia for coercive measures are considered in the most detail.

Гражданская война в России помимо военных действий, крестьянских восстаний и голода имела еще одну мрачную сторону — это мерзнувшее в своих домах в холодное время года население городов, закрытие из-за отсутствия топлива промышленных предприятий и перебои в работе железнодорожного транспорта. Топливный кризис 1919 — 1921 гг. стал серьезным испытанием для красных, лишенных из-за военных действий возможности использовать донецкий уголь и бакинскую нефть. Массовый перевод в 1919 г. промышленности и транспорта на древесное топливо потребовал ускоренного развертывания лесозаготовок. Недостаток продовольствия и обесценивание денег не позволяли привлечь для этих работ достаточное количество добровольных сезонных работников. В связи с этим в течение 1919 г. сначала в отдельных губерниях и на короткий срок, затем в конце года повсеместно на длительный период была введена трудовая повинность по заготовке и вывозке дров, которая легла тяжелым бременем на крестьянство.

В современных исторических работах трудовые повинности периода Гражданской войны рассматриваются преимущественно в аспекте общей организации принудительного труда, без специального выделения заготовок топлива¹. Известный специалист по индустриальной истории региона Н. А. Шарошкин в своей последней монографии основное внимание уделил развитию отдельных отраслей промышленности и органам управления, топливный кризис был только упомянут при рассмотрении отдельных сюжетов². По Пензенской губернии и в целом по Среднему Поволжью имеются отдельные публикации, рассматривающие именно топливную

трудовую повинность³. В информационно насыщенных сборниках опубликованных документов о состоянии деревни периода 1918 — 1922 гг. по данным органов ВЧК и крестьянскому движению в Поволжье в 1919 — 1922 гг. сведения о ходе работ по принудительной заготовке дров встречаются редко отдельными краткими упоминаниями⁴. Составить целостную картину проведения топливной трудовой повинности в Пензенской губернии в 1920 — 1921 гг. по опубликованным исследованиям и материалам не представляется возможным.

Реконструкция эпохи Гражданской войны, представленная только военными действиями, крестьянскими восстаниями, продрозверсткой и голодом, будет неполной без всестороннего рассмотрения экономического развития регионов. Люди не могут, даже в военное время, непрерывно стрелять и убивать. Основная часть жизнедеятельности социума всегда будет направлена на обеспечение условий своего существования, в первую очередь, изыскания материальных ресурсов. Борьба с топливным кризисом, проводившаяся в условиях военного коммунизма экстраординарными методами, была борьбой за выживание. Автору данной статьи представляется, что полуголодные люди, заготавливающие и вывозящие дрова для железных дорог, больниц, школ, учреждений, достойны внимания историков наравне с участниками боевых действий на фронтах.

Такое многообразное и разноплановое явление, как трудовая повинность, невозможно исчерпывающим образом охарактеризовать в рамках одной публикации. В данной статье на основе преимущественно архивных материалов рассмотрены факторы, тормозящие ход работ, использование армии и милиции для принудительных мер, репрессивные меры по отношению к срывающим задания по заготовке дров в Пензенской губернии.

В Государственном архиве Пензенской области отложились информационно насыщенные и разнообразные документы, характеризующие как деятельность органов Советской власти по борьбе с топливным кризисом, так и конкретную реализацию мероприятий по проведению топливной трудовой повинности на местах. В данном исследовании были использованы в подавляющем большинстве не опубликованные ранее документы фондов губисполкома (ГАПО. Ф. Р-2), губернского комитета по труду (Ф. Р-6), губернского лесного комитета (Ф. Р-952), областного (губернского) партийного комитета (Ф. П-36). Отдельные сведения по проведению топливной трудовой повинности в Пензенской губернии в 1920 г. отложились в фонде Главного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-7275).

Территориальные рамки статьи охватывают Пензенскую губернию в границах 1919 — 1921 гг. В настоящее время территории Инсарского, Краснослободского, Рузаевского и Саранского уездов входят в состав Республики Мордовия. Городищенский, Керенский, Мокшанский, Наровчатский, Нижнеломовский, Пензенский и Чембарский уезды, поменяв административное деление на районное, остались в составе современной Пензенской области.

Впервые принудительные меры привлечения местного населения на заготовку и вывозку дров вводились в ряде губерний России в отдельные месяцы 1919 г., в частности, в Пензенской губернии — в Городищенском, Керенском, Пензенском и Саранском уездах⁵. Подобные мероприятия носили локальный характер и применялись в качестве чрезвычайных способов активизации поставки древесного топлива для железных дорог. Повсеместно топливная трудовая повинность была введена

декретом 19 ноября 1919 г.⁶, систематически проводилась в течение всего 1920 г. и первой половины 1921 г. Данный период и обусловил хронологические рамки статьи. Основными лесозаготовителями в 1919 — 1921 гг. в Пензенской губернии являлись губернский лесной комитет (гублеском), железнодорожные лесные комитеты (желескомы) Московско-Казанской и Сызрано-Вяземской дорог, отделы топлива уездных совнархозов, воинские части, отдельные промышленные предприятия.

Привлечение населения к принудительной заготовке дров в Пензенской губернии в 1920 г. пришлось проводить в условиях формирования структур по проведению трудовой повинности. Пензенский губернский комитет по проведению всеобщей трудовой повинности был создан только 28 февраля 1920 г. Распоряжение об организации уездных комитетов было сделано 2 марта, следом последовал приказ № 2 губернского комитета по проведению всеобщей трудовой повинности, согласно которому до 20 марта следовало мобилизовать несколько десятков тысяч человек для подвозки дров к железным дорогам. В докладе губкомтруда отмечалось: «Создание комтрудов совпало с усиленной работой по вывозке и заготовке дров и с борьбой со снежными заносами»⁷.

Следует принять во внимание, что в 1918 — 1921 гг. структуры лесной промышленности постоянно менялись. Кроме того, определенный хаос в ход работ вносили особоуполномоченные по заготовке и вывозке топлива, которые направлялись для ускорения рубки и вывозки дров. В Поволжье действовали уполномоченные Главтопа, Главкомтруда, реввоенсоветов фронтов и губисполкомов⁸. В условиях постоянных реорганизаций лесозаготовительных структур и органов по трудовой повинности наладить планомерную и эффективную работу было затруднительно.

В связи с проблемой формирования управленческих структур следует отметить и низкий уровень квалификации работников комитетов по трудовой повинности, особенно уездных. Инструктор Главкомтруда, посетивший 28 ноября 1920 г. Пензу, отметил: «На ответственную работу заведующих секциями никого найти нельзя, так как в губкоме партии сил уже почти нет, остались только такие элементы, которые за ответственную работу взяться не могут»⁹. Многие уездные комтруды Пензенской губернии переживали организационные «детские болезни» в течение всего 1920 г. и первые месяцы 1921 г. Инструктор Пензенского губкомтруда, посетивший в марте 1921 г. Наровчатский уездный комтруд, писал: «Укомтруд оказался организованным лишь за три дня до моего приезда... но организован неправильно, а потому совершенно неработоспособен. До сего времени укомтруда фактически не существовало, так как частая смена председателей (которых было около 10) и неимение работников вообще развалили не только всю работу укомтруда, но и сам укомтруд». По утверждению инструктора, работники в данной структуре совершенно «не пользуются авторитетом» и их действия «игнорируются на каждом шагу»; председатель укомтруда был «хотя и работоспособный, но у которого все решительно валится из рук». В заключении своего доклада инструктор привел совершенно убийственный факт: «Кроме того, укомтруд в целом совершенно не знаком с вопросами проведения трудповинности, а поэтому мне пришлось не только проинструктировать его, но даже немного и поработать»¹⁰.

Комиссия по обследованию работ уездного комитета по проведению трудовой повинности, районных уполномоченных и желескома в Нижнеломовском уезде осенью 1920 г. обнаружила следующее: «По уезду существовали до последних чисел ноября райуполномоченные и укомтрудповины, которые действовали самостоятель-

но, не входя в контакт между собою, отчего случалось на одну и ту же волость давались разные приказания. Кроме райуполномоченных и укомтрудповина существуют уполномоченные, которые должны были бы быть в подчинении у райуполномоченных, но последние, хотя об их существовании и знали, но никакой связи не было, и каждый работал постольку, поскольку находил нужным работать для себя». Кроме того, выяснилось, что «план работы как за октябрь, а также за ноябрь месяцы нигде не оказался (план работы должен давать губкомтрудповин), и работа трудповина представляла из себя полнейший хаос»¹¹.

О Городищенском уездном комитете по трудовой повинности комиссия выяснила следующее: «Никакого аппарата не существовало до последнего времени, он только начинал организовываться. Сведений никаких комиссия получить не могла в виду хаотического состояния канцелярии, существовал один председатель без всякого штата, что на крупную работу по обеспечению топливом ж. д. им не обращалось должное внимание. При таком состоянии аппарата никакой работы не могло быть... и только к подготовительной работе было приступлено в последних числах декабря»¹².

Аналогичные данные сохранились и по Керенскому* уездному комитету труда, председатель которого жаловался, что из-за малограмотности служащих он может рассчитывать при выполнении заданий центра не более, чем на 5 человек из 30 штатных сотрудников¹³.

В сводке о ходе работ в Рузаевском уезде по вывозке дров для Маисского лесничества за февраль — начало марта 1921 г. приводилась аналогичная информация: «Письменная связь с волкомтрудами не налажена, все запросы укомтруда остаются без ответа, таким образом, укомтруд часто не знает, сколько выслано на работу той или иной волостью. Это явление объясняется абсолютным неимением в волостях технических сил»¹⁴. Под «техническими силами» в данном случае автор сводки явно подразумевал отсутствие необходимых кадров и, соответственно, делопроизводства в волостных комитетах труда.

В отражающем неповторимый колорит эпохи первых революционных лет приказе Саранского уездного комитета труда от 1 июля 1920 г. содержались следующие указания: «§1... всем безработным, тунеядцам, лежебокам, дармоедам, добровольно явиться в подотдел учета и распределения рабсилы (Советская улица, Дворец Труда) 5 июля сего года для регистрации и принятия на учет... §2. В случае неявки лиц, поименованных в §1, виновные будут немедленно задерживаться и препровождаться в концентрационный лагерь, откуда будут под конвоем сопровождаться на работу. §3. Начальнику уездной и городской милиции вменяется в обязанность лиц безработных, спекулянтов, лежебоков, дармоедов задерживать и препровождать в укомтруд для предания суду как трудовых дезертиров»¹⁵. При прочтении оригинальных формулировок данного документа напрашивается вопрос, по каким критериям следовало определять «тунеядцев, лежебоков и дармоедов». Подобное литературно-лирическое законодательство малограмотных, но энергичных и инициативных товарищей из местных трудовых комитетов неизбежно вело в каких-то ситуациях к отсутствию ясности и порядка и создавало конфликты.

* Керенск — уездный город в Пензенской губернии, в 1940 г. переименован в Вадинск, районный центр современной Пензенской области.

Возможно, именно с кадровым составом работников на местах связана неравномерность работ по топливной трудовой повинности в различных частях Пензенской губернии, отмеченная в докладе уполномоченного Московско-Казанской железной дороги от 25 апреля 1920 г.: «Хорошо проведена мобилизация Пензенским губкомтрудом в Мокшанском и Пензенском уездах, где в неделю было мобилизовано около 4 000 подвод и последние в 10 дней вывезли около 3 000 куб. саж.*, что при местных условиях считается очень успешной вывозкой. Но этот же губкомтруд с трудом мобилизовал Городищенский, Саранский и Керенский уезды». По Саранскому уезду в докладе приводился эпизод с попыткой освободиться от проведения топливной трудовой повинности: «Представители его являлись к тов. Троцкому (во время его проезда) и жаловались, что их гоняют на трудгужевую повинность за 170 верст, понятно, что тов. Троцкий сказал, что это чепуха, и теперь саранцы утверждают, что тов. Троцкий их совершенно освободил от трудгужевой повинности, и потому не хотели проводить ее. Но потом их уговорили, и они дали около 5 000 подвод»¹⁶.

Конфликты различных организаций из-за распределения рабочей силы стали еще одним серьезным препятствием проведения трудовой повинности. В рамках трудовой повинности в 1920 — 1921 гг. выполнялись различные виды работ: перевозка различных грузов (чаще всего, продовольственных), расчистка от снега улиц городов и железнодорожных путей, строительные и погрузочно-разгрузочные работы. В отчете Краснослободского уездного комитета по проведению трудовой повинности с 8 марта по 20 сентября 1920 г. приводился, например, такой вид деятельности: «По очистке базарной площади в г. Краснослободске от накопившегося навоза работало 791 пеших и конных 252 подводы». Однако заготовка и вывозка дров была основным видом деятельности. В том же отчете Краснослободского уездного комитета труда приводилась информация: «Телеграммой из центра от 28 июля на период срочных полевых работ все непосредственно занятое хозяйством население было освобождено от всех видов трудповинности до 15 сентября, и поэтому наряды на работы были приостановлены и производились только работы первостепенного государственного значения, а именно выставлено по требованию уполномоченного в Пушкинском лесничестве 300 подвод и 1 200 человек рабочих для заготовки и вывозки леса на железную дорогу»¹⁷.

На VII губернской конференции РКП(б) 16 — 19 марта 1920 г. представитель от Керенского уезда отмечал: «До сих пор еще не имеется определенных указаний, как провести в жизнь трудовую повинность. Имеется инструкция, что должны создаваться уездные комитеты по проведению трудовой повинности. Но как проводить — этого ничего не указано... и в одном уезде сейчас одновременно идут мобилизации крестьян для разработки леса, овчинников, плотников и т. д., и все эти мобилизации проводятся бессистемно, и это отражается на психике крестьян, которые не знают, кому подчиняться»¹⁸.

В перечне трудностей проведения трудовой повинности на апрельском съезде лесозаготовителей Пензенской губернии в 1920 г. отмечалось следующее обстоятельство: «Захват рабочей силы вне всякой очереди и системы на очистку путей и действия райпродкомов по захвату гужевой силы (особенно в Н. Ломовском и Керенском у.)»¹⁹. В данном случае проявилась несогласованность действий различных структур.

* 1 куб. саж. дров = 9,71 кубометра.

Отвлечение местного населения от топливной трудовой повинности на расчистку снега для железных дорог упоминалось в сводке работ по Рузаевскому уезду в марте 1921 г.²⁰

Пример несогласованности действий при проведении трудовой повинности в марте того же года приводился в докладе чрезвычайного уполномоченного губисполкома в Городищенском уезде, командированного «для ускорения вывозки дров к железным дорогам», М. Г. Долгова: «...были посланы рабочие на рубку дров в числе 15 человек, и лесозаготовитель на другой же день их отпустил на 17 суток домой, наверное, исходя из соображения, что через 17 суток совсем уже невозможно будет работать». Прибывшие обратно граждане стали роптать на местную власть, говоря «вы все здесь выдумываете, отсылаете работать, а там говорят, что совсем мы не нужны»²¹.

Кроме того, трудовая повинность вводилась как альтернатива добровольной рубке и возке дров, которые в 1918 — 1919 гг. часто не удавалось организовать из-за отсутствия необходимых продовольствия, промтоваров и денег. Трудовая повинность была введена, но дефицит продовольствия для расплаты с рабочими лесозаготовок сохранился и в 1920 — 1921 гг. Это обстоятельство не могло не отразиться на ходе работ.

Примером задержки расчета с рабочими лесозаготовок может служить эпизод, упомянутый в протоколе собрания членов Николо-Райского волостного исполкома (Городищенский уезд) от 19 января 1920 г. председатель Трофимовского сельского совета пожаловался, что заведующим 10-м участком Сызрано-Вяземской железной дороги Кобылянским был дан наряд на вывозку 159 куб. саж. дров, который и был выполнен жителями села, но «установленную плату деньгами и солью он до сих пор не уплачивает, несмотря на то, что наряд выполнен с 1 по 12 декабря 1919 г.»²².

В Рузаевском уезде в начале 1921 г. проведению вывозки дров мешала проблема с фуражом. Председатель уездного исполкома в составленной сводке о ходе работ сообщил: «Из поездки на места выяснилось, что крестьяне категорически отказываются от поездки на дальнее расстояние, мотивируя это абсолютным неимением фуража, каковыя заявления в некоторых случаях проверялись и подтверждались»²³.

31 января 1921 г. на заседании президиума Наровчатского уездного исполкома заведующий уездным комитетом по проведению трудовой повинности сообщил присутствующим, что «выполнение нарядов на вывозку дров по последним заданиям губкомтруда к линии железной дороги выполнить не представляется возможным в виду полного отсутствия фуража у населения уезда» и привел пример имевшего место эпизода, когда назначенные в наряд местные жители явились в уездный комитет «и заявили, что у них фуража нет, сказали, что хотите, то с нами и делайте, но возложенный на нас наряд выполнить не можем»²⁴.

Аналогичная проблема возникла в марте 1921 г. в Инсарском уезде. Председатель уездного исполкома сообщил 11 марта телеграммой в Пензенский губисполком, что «на почве полного отсутствия фуража возникли серьезные столкновения с гражданами отдельных сел при назначении вывозки дров»²⁵.

Для обеспечения выполнения заданий по трудовой повинности привлекались армейские части и милиция.

Совещание Городищенского уездного совнархоза 22 ноября 1919 г. постановило назначить двух уполномоченных по вывозке и заготовке дров с «чрезвычайными полномочиями» и «просить уездный военный комиссариат дать в распоряжение

уполномоченных... отряд в количестве не менее 18 человек...»²⁶. В оперативной сводке штаба Саратовского сектора ВОХР от 10 декабря 1919 г. приводились данные об использовании войск охраны республики для проведения трудовой повинности в Пензенской губернии: «Приказано комбату-3 выслать на разъезд Селикса 40 штыков для понуждения крестьян к вывозке дров»²⁷. Уполномоченный представитель железного Московско-Казанской железной дороги в апреле 1920 г. сообщал, что дровзаготовка на территории Пензенской и Симбирской губерний «почти везде проводится одинаково выгонкой на работы при помощи воинской силы»²⁸. 4 ноября 1920 г. районный уполномоченный по проведению трудовой повинности в Саранском уезде Пономарев телеграммой в губернский комитет труда о принятых «решительных мерах» по заготовке дров сообщал: «...увоенком мне отпустил 5 человек красноармейцев, с ними я работаю...»²⁹.

Усиление топливного кризиса в начале 1921 г. снова обусловило необходимость в использовании отрядов красноармейцев для проведения трудовой повинности. В телеграмме из Керенска, полученной в губисполкоме 15 января, перечислялись принятые меры для усиленной вывозки дров: «Посланы чрезвычайные уполномоченные и отряд красноармейцев». Из Нижнего Ломова 3 февраля сообщали, что в «в работу вовлечены волвоенкоматы, усилен аппарат укомтруда, коему предоставлены... уполномоченные и вооруженная сила». Из Мокшана 5 февраля телеграфировали: «В уезд послана вооруженная сила»³⁰. В сводке о ходе работ по Рузаевскому уезду «за время с начала кампании по 8 марта 1921 года» сообщалось: «Были посланы по волостям уполномоченные. В распоряжение их было представлено 10 человек красноармейцев, которым и было поручено безоговорочное выполнение задания, наложенного на то или иное селение»³¹.

Для тех же целей в Городищенском уезде использовалась милиция; в телеграмме от 22 января 1921 г. по этому вопросу сообщалось: «Высылаются отряды в каждую волость, всего 100 человек»³². Это единственное обнаруженное автором данного исследования упоминание о применении милиции для стимулирования работ по заготовке дров в Пензенской губернии. Судя по косвенным данным, подобная мера носила экстраординарный характер из-за угрозы остановки железных дорог. У милиции в губерниях Поволжья в 1920 — 1921 гг. хватало работы по борьбе с бандитизмом, хищениями и спекуляцией.

В постановлении проведенного губисполкомом 28 января 1921 г. совещания председателей уездных исполкомов, губкомтруда и лесозаготовителей губернии было отмечено: «Просить начальника войск ВНУСа* оказать содействие вооруженной силой в проведении трудповинности. Просить Запармию разрешить по требованию Саранского уисполкома предоставлять вооруженные отряды для работ по трудповинности»³³. 5 февраля военком Саранского уезда в губисполком отправил телеграмму, указав, что «в распоряжении увоенкомата вооруженной силы не имеется»³⁴. 10 февраля губисполком телеграфировал комбригу 74-го ВНУС в Нижний Новгород с просьбой «сделать распоряжение всем частям, находящимся в Пензенской губернии беспрепятственно давать вооруженную силу по требованиям укомтрудов для проведения трудповинности»³⁵.

* ВНУС — войска внутренней службы.

Судя по всему, процедурные моменты применения вооруженной силы при проведении трудовой повинности первоначально никак не регламентировались. Постепенно осознание необходимости введения определенных правовых рамок привело к появлению специальных постановлений. В телеграмме представителя топливной комиссии при Совете труда и обороны (СТО) Бергауза, полученной в Пензенском губисполкоме 21 марта 1921 г., разъяснялся порядок применения вооруженной силы на лесозаготовках. «Необходимость привлечения военизированной силы» определялась местными исполкомами и, как подчеркивалось в телеграмме, «после исчерпания мирных ресурсов». Однако требования комитетов по труду на предоставление красноармейцев должны были выполняться в обязательном порядке. При отсутствии военнослужащих в уезде рекомендовалось обращаться в губернский военкомат и штаб военного округа. Кроме того, указывались обязательные условия использования красноармейцев: «...а) вооруженная сила предоставляется исключительно командами не менее отделения; б) использовать исключительно для охраны агентов и придания авторитета их распоряжениям; в) по выполнению заданий подлежит немедленному возвращению»³⁶.

Однако не следует представлять проведение топливной трудовой повинности в Пензенской губернии как картину повсеместной «принудилочки» и «выгонки на работу» силами красноармейцев, реже — милиционеров. В Пензенской губернии в 1920 — 1921 гг. просто не было в наличии необходимых нескольких тысяч военнослужащих, которые могли бы штыками и прикладами регулярно загонять с октября по март крестьян многочисленных сел и деревень на лесозаготовки. Подтверждением высказанной мысли может также служить перечень факторов, мешавших успешному проведению работ по лесозаготовкам в 1919 — 1920 гг., приведенных в протоколе съезда лесозаготовителей Пензенской губернии 7 — 8 апреля 1920 г. В пункте 10 четко и однозначно указывалось: «Отсутствие реальной силы для осуществления принуждения». Кроме того, на том же съезде отмечалось «неправильное применение вооруженной силы»³⁷. Вряд ли бы подобная запись могла появиться в протоколе при наличии выделенных в достаточном количестве в распоряжение уездных комитетов по труду многочисленных мелких отрядов красноармейцев от 5 — 10 до 25 — 30 человек, которые заставляли бы крестьян выезжать на работу в лес. Подобные отряды, как было отмечено ранее, применялись, но их количество было невелико.

Особоуполномоченный по топливу Московско-Казанской железной дороги в докладе от 25 апреля 1920 г. счел необходимым отметить заслугу своего подчиненного «товарища Мазова», который провел «в Пензенской губернии мобилизацию почти без воинской силы»³⁸.

Председатель Саранского уездного комитета по труду сообщал губернскому уполномоченному по проведению трудовой и гужевой повинности по Пензенской губернии 4 ноября 1920 г., что обращения «за отрядами» в военкомат, штаб армии (вероятно, Запасной армии республики — *Е. В.*) и управление железнодорожной милиции имели одинаковый результат: «все отказали». Без вооруженной силы, подчеркивал председатель, «довести вывозку дров до максимума бессилён»³⁹.

В телеграмме из Москвы в Пензенский губисполком от 24 июня 1921 г. заместитель начальника отдела повинностей Наркомтруда рекомендовал «бросить максимально партработников в деревню, избегая употребления вооруженной силы, действуя принуждением через милицию, комдезы»⁴⁰. Подобную перемену в позиции

центра по вопросу использования военнослужащих Красной армии при проведении топливной трудовой повинности, вероятно, следует объяснять массовыми крестьянскими восстаниями весны — лета 1921 г.

Сохранились отдельные отрывочные сведения об участии в проведении трудовой повинности органов Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). В телеграмме ВЧК в Пензенский губкомтруд от 5 февраля 1921 г. отмечалось, что топливный кризис является «серьезной угрозой существования республики», поэтому «органы чека... имеют неослабное наблюдение ходом работ проведению трудгужповинности»⁴¹. 16 февраля 1921 г. в соответствии с телеграммой из района лесозаготовок Сызрано-Вяземской железной дороги («желсыз»), отправленной в губком РКП(б), губисполком и губернский комитет по проведению трудовой повинности, требовалось «обеспечить выполнение задания представлением в достаточном количестве рабсилы», при этом в тексте присутствовала фраза: «Губчека прошу наблюсти исполнением» (так в тексте — *Е. В.*). Однако подробностей об использовании отрядов чекистов для принуждения к выполнению заданий по заготовке и вывозке дров в проработанных архивных документах обнаружить не удалось, в то время как упоминания о небольших красноармейских отрядах периодически встречаются. Вероятно, в данном вопросе Пензенская губернская чрезвычайная комиссия ограничилась общим надзором за ходом работ.

Возможности губернской чрезвычайной комиссии не следует преувеличивать. В опубликованном отчете о ее деятельности за 1918 — 1920 гг. дважды упоминается отправка отрядов с конкретным указанием численности: 60 человек для ликвидации восстания левых эсеров в Чембарском уезде в августе 1918 г. и 30 человек для борьбы с кулацким восстанием в с. Мастиновка в ноябре 1918 г.⁴² Сомнительно, что в начале 1921 г. руководство Пензенской губернской чрезвычайной комиссии имело возможность направить значительный отряд для отправки крестьян на работы по топливной трудовой повинности. Имеющихся бойцов было необходимо беречь именно для случая начавшегося восстания, чтобы обеспечить ликвидацию волнений быстрой отправкой отряда на место событий. Кроме того, не следует представлять работников госбезопасности в провинции периода Гражданской войны как всемогущих и вездесущих. В акте инспектирования 20-го отдельного батальона войск ВЧК при Пензенской губчека от 13 декабря 1921 г. приводились подробности: «Снабжение продовольствием удовлетворительно, ощущается острый недостаток обмундирования, в особенности обуви, верхней одежды...»⁴³. Таким образом, кроме того, что батальона войск ВЧК для стимулирования трудовой повинности в 11 уездах губернии было явно мало, так у части этих бойцов еще и отсутствовали необходимые обувь и обмундирование.

В плане проведения трудовой повинности по заготовке и вывозке дров по Пензенской губернии, составленном для исполнения декрета от 19 ноября 1919 г. губерnskим уполномоченным фронтовой комиссии, предписывалось: «Отказ от работ повлечет за собою безусловный арест, конфискацию рабочего скота и предание военно-революционному суду с отправкой в прифронтовую полосу»⁴⁴. Подобных угроз применения самых суровых мер в документах, касающихся топливной трудовой повинности, можно встретить в изобилии. Однако сведения о практической реализации репрессий встречаются в архивных документах не так часто.

На VII губернской партийной конференции приводились сведения о репрессированном поселковом совете крестьянских депутатов в Нижнеломовском уезде:

«У нас был случай, когда совет шесть раз арестовывался и шесть раз в день приходилось их переизбирать»⁴⁵. Вероятно, по этому поводу председатель Пензенского губисполкома и председатель Пензенского губкома РКП(б) Л. Х. Фридрихсон с возмущением заявил: «У нас ведется напряженная работа по... вывозке дров... а на местах творится настоящее безобразие. Существует сельский комитет. Его может арестовать всякий, кому не лень... Кто имеет право предавать целый исполком суду? Об этом нигде ничего не говорится... Это положение ненормальное. Какой-либо человек может разрушить целый аппарат управления, который находится на местах»⁴⁶.

В телеграмме из Городища от 22 января 1921 г. сообщалось: «Наказанию административно подвергнуто 25 членов сельсоветов, 6 предсельсоветов, 3 предволкомтруда, 1 член волисполкома, 30 труддезертиров». Из Керенска 29 января отчитались: «Производится конфискация имущества и предаются суду волкомтруды, саботирующие в области вывозки и заготовки». Из Мокшана 3 февраля дали сведения: «Дезертиров труда задержано десять». В Саранском уезде с 1 по 8 февраля был задержан и передан уездному комитету по борьбе с дезертирством один трудовой дезертир. В Нижне-Ломовском уезде с 6 по 13 февраля «на трех предволисполкомов и двух волуполномоченных были наложены взыскания»⁴⁷.

Командированный в марте 1921 г. в Городищенский уезд уполномоченный М. Г. Долгов в отчете писал: «На местах же за период моего пребывания приходилось у некоторых граждан делать описи имущества, в большинстве у членов сельсоветов и волкомтрудов, даже и накладывать условную контрибуцию... и с применением всего этого заметно работа двигалась вперед»⁴⁸. В уже упоминавшейся ранее сводке о ходе работ в рамках задания вывозки дров по трудовой повинности в Рузаевском уезде в феврале — марте 1921 г. приводились данные, что «к отказывающимся крестьянам принимались репрессивные меры, как то — аресты, конфискация животных». Под «животными» в данном случае авторы документа, вероятно, подразумевали домашний скот. При этом подчеркивалось, что «эта мера положительного результата не дала»⁴⁹.

Однако, несмотря на все организационные противоречия, задержки с оплатой и срывы заданий, топливная трудовая повинность с очень низкой производительностью и результативностью все-таки давала возможность заготовить и, что более важно, подвезти дрова к железным дорогам, промышленным предприятиям и городам. Например, градация потребителей топлива по степени важности устанавливалась в приказе № 2 Пензенского губкомтруда от 5 марта 1920 г., подводы по топливной трудовой повинности следовало направлять в следующем порядке: 1) железным дорогам, 2) «Госзнаку* и писчебумажной фабрике», 3) больницам, 4) трубочному заводу (впоследствии велосипедный завод им. Фрунзе в Пензе), 5) прочим государственным организациям⁵⁰. Топливная трудовая повинность, проводимая в 1920 — 1921 гг. на территории Пензенской губернии, дала возможность предотвратить остановку железных дорог и паралич промышленных предприятий, обеспечить работу лечебных учреждений.

* В Пензе находилась эвакуированная из Петрограда Экспедиция заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ), которая осуществляла выпуск денежных знаков.

Подводя итоги исследования обозначенных аспектов топливной трудовой повинности, можно констатировать, что в Пензенской губернии в течение 1920 г. в ряде уездов не удалось наладить эффективную работу аппарата по ее проведению, что во многом объяснялось недостатком подходящих кадров. Недостаток продовольствия, фуража и задержка оплаты выполненных работ еще более снижали результативность заготовок дров. Применение отрядов красноармейцев для принуждения местного населения к выходу на работы по заготовке и вывозке дров не дало ожидаемого результата из-за массовых отказов штабов воинских частей и военкоматов выделить местным лесозаготовительным органам вооруженную силу в требуемом количестве. Участие милиции для указанных целей удалось зафиксировать только в Городищенском уезде. Отдельные отрывочные сведения об участии в проведении трудовой повинности органов ВЧК не дают оснований считать, что чекисты существенно повлияли на ход работ по заготовке топлива в Пензенской губернии. По применению репрессивных мер за отказ от выхода на работу и срыв заданий сохранились только отрывочные сведения, преобладали аресты, реже фиксировались случаи конфискации домашнего скота.

Представляется, что такое сложное и многоплановое явление, как топливная трудовая повинность, требует дальнейшего изучения, особенно с учетом того обстоятельства, что в Государственном архиве Пензенской области имеется еще не введенный в научный оборот исследователями значительный корпус документов по данной теме. Для создания объективной истории советского периода, который продолжает вызывать острые дискуссии специалистов-историков и обычных граждан России, требуется реконструкция прошлого с максимально возможным погружением в эпоху и воссозданием всесторонней картины жизнедеятельности социума.

Библиографические ссылки

¹ См., например: **Буряк Е. М.** Всеобщая трудовая повинность на Урале в первые годы Советской власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34. С. 40 — 48 ; **Глазунова Т. В.** Деятельность комиссии по борьбе с трудовым дезертирством в Омской губернии в 1920 — 1921 гг. // Омский научный вестник. Сер. «Общество. История. Современность». 2020. Т. 5. № 3. С. 25 — 29 ; **Есикова М. М., Кулин В. В.** Натуральные повинности и налоги тамбовских крестьян в период военного коммунизма // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2014. Т. 20, № 1. С. 175 — 181 ; **Сухова О. А.** Восстание общин: внутренний фронт Гражданской войны в средневожской деревне // Центр и периферия. [Саранск], 2015. № 3. С. 12 — 17 ; **Юрчёнков В. А., Куршева Г. А., Чернов А. В.** Крестьянство в период социальных конфликтов первой четверти XX в.: реалии современного исторического осмысления // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 1. С. 93 — 104 ; **Иванов Д. П., Щербинин П. П.** Психология крестьянского бунта : Предпосылки и особенности Тамбов. восстания (1920 — 1921 гг.) // Центр и периферия. [Саранск], 2016. № 2. С. 18 — 25 ; **Федяева Т. П.** Крестьянское движение в марийском крае в 1920 — 1921 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 1. С. 69 — 79.

² См.: **Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.** Промышленность Пензенской губернии в 1901 — 1921 гг. Пенза, 2014. 343 с.

³ См., например: **Воейков Е. В.** Топливная трудовая повинность в Среднем Поволжье в 1918 — 1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 96 — 105 ; **Лосяков А. В.** Гужевая и дровяная повинности в Пензенской губернии в 1918 — 1921-х гг. // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 779 — 782.

⁴ См.: Крестьянское движение в Поволжье : 1919 — 1922 гг. : документы и материалы. М., 2002. 944 с. ; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД : 1918 — 1939 : в 4 т. Т. 1 : 1918 — 1922 гг. : док. и материалы. М., 2000. 864 с.

- ⁵ См.: **Воейков Е. В.** Топливная трудовая повинность... С. 97.
- ⁶ См.: Декреты Советской власти. М., 1973. Т. VI. С. 284.
- ⁷ ГА ПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 675. Л. 63.
- ⁸ Подробнее см.: **Воейков Е. В.** Органы лесной промышленности и лесного хозяйства в 1918 — 1921 гг. (по материалам Пензенской губернии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 3. С. 43 — 57.
- ⁹ ГА РФ. Ф. Р-7275. Оп. 1. Д. 493. Л. 11.
- ¹⁰ ГА ПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 145. Л. 7, 8.
- ¹¹ Там же. Д. 300. Л. 20.
- ¹² Там же. Л. 20 об.
- ¹³ Там же. Д. 143. Л. 9.
- ¹⁴ ГА ПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 135.
- ¹⁵ ГА ПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 96. Л. 97.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7275. Оп. 1. Д. 493. Л. 3.
- ¹⁷ ГА ПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 85. Л. 144, 144 об.
- ¹⁸ ГА ПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 77. Л. 68 об.
- ¹⁹ ГА ПО. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 35. Л. 12.
- ²⁰ ГА ПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 135.
- ²¹ Там же. Л. 150 об.
- ²² ГА ПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 96. Л. 9.
- ²³ ГА ПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 135.
- ²⁴ Там же. Л. 24.
- ²⁵ ГА ПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 300. Л. 163.
- ²⁶ ГА ПО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 219. Л. 172.
- ²⁷ Крестьянское движение в Поволжье. 1919 — 1922 гг. С. 314.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. Р-7275. Оп. 1. Д. 493. Л. 3 об.
- ²⁹ ГА ПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 96. Л. 164.
- ³⁰ ГА ПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 43, 54, 56.
- ³¹ Там же. Л. 135.
- ³² Там же. Л. 51 об.
- ³³ Там же. Л. 5.
- ³⁴ Там же. Л. 16.
- ³⁵ Там же. Л. 17.
- ³⁶ Там же. Л. 120 — 123.
- ³⁷ ГА ПО. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 35. Л. 12, 12 об.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7275. Оп. 1. Д. 493. Л. 4.
- ³⁹ ГА ПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 96. Л. 3 — 4.
- ⁴⁰ ГА ПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 257.
- ⁴¹ ГА ПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 206. Л. 228.
- ⁴² См.: Из отчета Пензенской губчека о деятельности со дня организации по 1 сентября 1920 г. // Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... С. 307, 310.
- ⁴³ ГА ПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 213. Л. 363.
- ⁴⁴ ГА ПО. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.
- ⁴⁵ ГА ПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 77. Л. 69.
- ⁴⁶ Там же. Л. 106.
- ⁴⁷ ГА ПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 52, 53, 55 об., 61, 64.
- ⁴⁸ Там же. Л. 151.
- ⁴⁹ Там же. Л. 135.
- ⁵⁰ ГА ПО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 89. Л. 16.

Поступила 16.05.2022 г.